

РАЗЫСКИВАЕТСЯ ЗЛОЙ КОЛДУН

1.

В 1909 г. после экспедиции к калмыкам Номто Очиров так прокомментировал ситуацию с проклятиями (*хараалами*) и порчей: «...вера в их злую и враждебную силу очень велика. Стоит только случится какой-нибудь неприятности, например: видение дурного сна, неожиданный падеж любимой лошади, болезнь в семье, брань и проклятие в неурочное время, проявление зависти друзей, соседей, появление дурных знамений и т.д. — как суеверный калмык, придавая им большое значение, начинает беспокоиться...» [8, с. 85-86].

Век спустя, в 2006 и 2007 годах во время наших экспедиций в Монголию у нас было много трудностей в определении того, что думают монголы о колдовстве, поскольку это тщательно скрывается. Добытые нами сведения отнюдь не лежали на поверхности и не рассказывались с такой же охотой, что и сказки, предания, астральные и солярные мифы. Все, выходящее за эти жанрово-тематические пределы, — актуальная демонология, бытовая магия, проклятия-*хараалы* и колдуны-*хараалчи*, — вызывало напряжение. Можно сказать, что контактность информантов в какой-то мере определялась наличием таких «неудобных» вопросов. Монголы отрицают и/или не хотят говорить посторонним, тем более иностранцам, что они хоть что-то понимают в колдовстве, даже сами слова *хараал* и *хараалч* произносятся неохотно. Обычный ответ на расспросы по этой теме звучал примерно следующим образом: «Я не знаю о хараалчах, это секрет» [Лханаажав, 2007]; на первые сведения об этом мы вообще натолкнулись случайно.

Вот ответы на вопросы о людях, творящих проклятья: *В прошлом, наверное, были. Сейчас у нас людей, говорящих проклятья, нет. Хараалч, наверное, читает особые молитвы (ном¹) проклятия. Когда такие проклятия прочитаны, или из-за произнесения проклятия, человек, которого проклинают, заболевает. А если такие проклятия насылают прекратить, он выздоравливает. <...> Хараалч внешностью, волосами отличаются от других людей. Я слышал, что проклятья говорят в основном ночью. Их называют молитвами черной стороны.* [Азжаргал, 2006]. *Были, наверное, некоторые, кто с помощью молитв мог сделать всякое, такие хараалчи. <...> Хараал, который хараалч насылает с помощью молитв, был очень сильным* [Намжил, 2006].

Сейчас монголы различают несколько типов посредников между миром естественным и сверхъестественным; процветает узкая профессионализация магических специальностей (при том что колдовство у монголов — это прежде всего магия *слова*). Имеются в виду не шаманы (*бөө*), а маги, не вселяющие в себя духов и не становящиеся, хотя бы временно, представителями иного мира. Можно выделить несколько подобных специализаций: *зурхайч* (астролог, гадатель по астрологическим таблицам); *үзмэрч* (букв. ‘видящий’, гадатель, популярная сейчас в Монголии профессия); *мэдлэгч* (букв. ‘знающий’, знахарь «широкого профиля»², у калмыков встречаются, кроме того, и знахари с более узкой специализацией — *отч* ‘лекарь, костоправ’ [Борджанова 2007: 70-71]); *луйжинч* (этимология термина неясна, возможно, от названия специальной поминальной молитвы) — это, как следовало из объяснений наших информантов, бродячий монах, провожающий умерших в иной мир, а потому способный общаться с умершими (согласно преданию, *луйжинч* спокойно мог ночевать на кладбище, не боясь духов [Пурэвсүрэн, 2007]) и даже оживлять мертвых [Намжил, 2006]; загадочная и почти вымершая квалификация. Кроме того, в современной Калмыкии есть люди, способные видеть духов-хозяев местности — *сякюста* (*сэкустэ*, соотв. монг. *сахуустай* ‘имеющий духа-хранителя’)³, а в монгольских текстах упоминаются некие *задач/задч* — волшебники, способные с помощью магического камня *зад* вызывать ненастье

¹ *Ном* — книга, (веро)учение.

² Согласно калмыцким материалам, именно *медлэгче* может снять с человека *хараал*.

³ См. статью А.И. Кузнецовой в настоящем номере.

(др.тюрск. *jadčī / jatčī*; впервые зафиксированы в древнеуйгурских текстах из Турфанской коллекции: «если мы стали заклинателями драконов и волшебниками» [1; 5: 222-223, 247; 13; 1]).

Вот интересный контекст появления *задача* в ойратском историческом предании об Амурсане, который, уходя от преследования, вместе с шестью слугами, сделал привал в одном аиле на вершине Бургутея. Когда китайский наместник Сарай-жанжин с тысячьою воинов подошел по реке к отвесному склону горы, Амурсана с помощью магического камня *зад* «низвел дождь и снег, воины все были задавлены». Но Сарай-жанжин, который «обладал волшебными свойствами, спасся вместе с пятью спутниками и сделал доклад императору», а тот «наложил наказание на возвышенность» Бургутей, из-из чего там «засохли деревья, попадали направо и налево, вода высохла, перестали расти травы и деревья» [4, с. 276]. Следовательно, Амурсана, обладавший магической квалификацией *задача*, вызвал сель, низвергшийся с горы и погубивший врагов. В отместку император с помощью какого-то волшебства иссушил гору; скорее всего, речь идет об использовании проклятия-хараала, что подтверждается аналогичными преданиями в шаманских преданиях и сказках, но, заметим, по современным представлениям специализация хараалча заключается в магическом нанесении вреда только людям, на чем настаивали все информанты из Центральной Монголии (*На скот проклятия не насылают* [Азжаргал, 2006]; *по-моему, только на людей* [Нарангарвуу, 2006]), а в экспедиции 2007 года лишь один информант предположил, что хараалч может вредить и скоту.

Таким образом, в традициях, где на шаманистические представления накладывается буддизм, существует значительная дисперсия магических специализаций, однако обратим внимание, что часть этих профессий — вполне реальная, тогда как другие (*задачи*, например) являются лишь фольклорно-мифологическими персонажами.

Существенно, что в Центральной Монголии давно нет шаманов, и старшее поколение если и застало их, то в далеком детстве. На севере же (Хубсугульский и Булганский аймаки) шаманство практикуется до сих пор. Там среди наших информантов было две шаманки, один — помощник шаманки, два внука шамана и два местных «специалиста по шаманам». Население Прихубсугулья (это, в основном, дархаты и северные халхасцы) гораздо более осведомлено о шаманских практиках и не боится о них рассказывать. Сами шаманки и информанты, связанные с шаманами родственными связями, спокойно говорили на данные темы, не проявляя страха даже перед хараалами и хараалчами, столь характерного для Центральной Монголии.

2.

Монгольское слово *хараал* имеет два значения: бытовое (*хараал тавих / хараал хэлэх* ‘бранить, сквернословить’), и магическое (*хараал хийх* ‘проклинать, наводить порчу’); в последнем случае иногда используется дуплет *тарни-хараал* (‘молитва-проклятие’). Само слово *хараал* с большой вероятностью образовано от глагольной основы *харā-* (бурят., халх., калм., ордос., дагур., а также манжур. формы, ст.-монг. *qarija-* / *qara ya-*) со значением ‘ругать, проклинать’; реконструируются формы протоалтайская **xara* (‘кричать, говорить’) и прототюркская **karga-*⁴. Монгольскому жанру *хараал* соответствует тюркское *каргыс* (казах., каракалп., ног.), *каргыш* (кумык., карачаев.), *гаргыш* (азейрб.), *хыргыс* у саяно-алтайских тюрков [9, с. 171], *кырыыс* (якут.; *кырыыстааах кики* «что он ни проклянет, все исполнится» [12, с. 141]). Таким образом, слово *хараалч* должно значить ‘проклинатель’ (-*čī* – суфф. деятеля в тюрк. и монг. яз.).

Однако некоторые исследователи, как и сами носители традиции, считают, что формы *хараал* и *кыргыс* произошли от слова *хара / кара* ‘черный’. Эта этимология не выдерживает

⁴ Алтайская этимология [база данных] / Сост. С. А. Старостин; Тюркская этимология / Сост. А. В. Дыбо [http://starling.rinet.ru/cgi-bin/main.cgi?flags=wygtnnl]

лингвистической критики, но позволяет произвести вторичную зависимость проклятия от черного цвета, что поддерживается, например, следующими текстами: *Куда ты идешь, алгыс? — Иду облачить все в белое! — Куда ты идешь, каргыс? — Иду очернить до черна!* (ногайск. [10, с. 73]). Таким образом, в современной монгольской и тюркской культурах «проклинатель» (а на проалтайском уровне, возможно, и «кричатель») превратился в «очернителя».

Общее место в рассказах наших северомонгольских информантов — утверждение, что *хараалчи* отличается от обычного человека наличием «черного языка» (*хар хэл*) [Пурэвсурэн, 2007, Хандсурэн, 2007 и др.]; ср. калмыцкий обряд «обрезания черного языка» [о нем см. в 8, с. 84-87]. При этом у монголов и тувинцев есть представление о существовании особого злоязычного человека, по функции сходного с хараалчем, но с той разницей, что это свойство у него природное, а не намеренное. Такой человек, обладающий способностью сглазить, у тувинцев называется *аксы кара* ‘рот его черный’ [9, с. 173], у монголов — *хар хэл ам* (досл. ‘черный язык-рот’) [6, с. 89]. Калмыки «о человеке, произносящем проклятия без особых причин, говорят *хар келтэ* — ‘с черным языком’» [3, с. 143].

Кроме общего знания о языке колдуна, давалось и объяснение, почему он черный: хараалч во время отправления обряда мажет его кончик сажей [Цэрмаа, 2007]. В Центральной Монголии такое понимание «черного языка» отсутствовало, зато информанты утверждали, что единственный признак, по которому *хараалчи* опознается — это змеиный язык (*могойн хэл*) и иногда даже змеиная глотка (*могойн хоолой*): *Говорят, у харалча корень языка бывает как пестрая змея (хэлний уган догуур хар эрэн могой шиг)* [Дуламноргим, 2006]. Таким образом, выстраивается такая цепочка: *змеиный язык* > **черная глотка змеи*⁵> *черный язык* > *язык, вымазанный сажой при отправлении обряда*. В основе вымазывания сажей языка лежит симпатическая магия, т.е. магия подобия. Но подобия чему? Кроме представлений о негативной семантике черного цвета, универсальных в тюрко-монгольском мире, вспомним сближение хараалча с черным цветом и его вторичное понимание как «очернителя». Вымазывая язык сажей, хараалч как бы воскрешает внутреннюю форму слова *хараал*.

Конкретные исторические данные о хараалчах отсутствуют, в трудах путешественников по Центральной Азии и ученых XIX-XX в. вообще не описываются «узкие специалисты» в магических практиках — либо исследователи не замечали их, либо в известных нам формах подобная дифференциация сформировалась лишь недавно. Однако встречаются сведения об использовании хараалов (точнее, о подозрении в их использовании или об угрозе использования). В жалобе подданных Сэцэн-хановского аймака (1919 г.) на своего хошунного правителя (засаг-вана) в 24-м пункте утверждается: «он еретическим образом вселял в людей ужас, говоря, что может направить проклинающую магию против них и убивать их» (в оригинале — понятие *хараал жадга* ‘порча’; *jatga* > тибет. *byad-k'a*) [14, р. 557]. Таким образом, люди обвиняли правителя в том, что он шантажировал их угрозой убийства с помощью проклятий; возможности подобного действия хараала, собственно, опасались и наши информанты: *Хараал может человека и убить* <...> *Если думаешь дурное, делаешь плохое, совершается хараал. Есть монгольская поговорка: «На конце хараала — кровь, на конце юрала⁶ — жир»* [Гончигдорж, 2006]; *монголы боятся говорить проклятия. Проклятия это плохое дело* [Азжаргал, 2006];. В фольклорном жизнеописании Миларайбы (Мэля-бурхана) говорится, что он учил хараалы и стал хараалчем — чтобы убить всех врагов. *Про него говорили: «Вот харалчи Мэля идет»* [Баточир, 2007].

Сами хараалы упоминаются или цитируются в разных устных жанрах: в бурятских, монгольских, калмыцких сказках, в эпосе «Джангар», в шаманских легендах. Согласно фольклорным записям, хараал представляет собой пожелание смерти или несчастий человеку обязательно в иносказательном виде, по форме это — аллитерационный стих, в среднем состоящий из 4-6 строк (бывает и однострочный хараал). В дархатском предании

⁵ У многих змей глотка действительно черная.

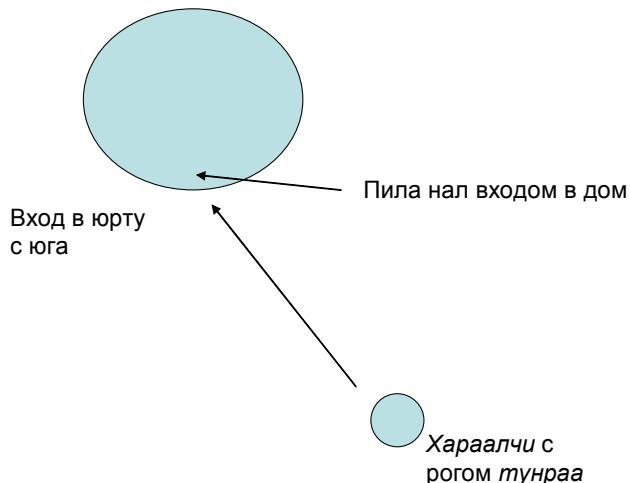
⁶ *Юрал* (*ерөөл*) — благопожелание.

шаманка, у которой убили сына «вернулась домой и день и ночь била молниями, по скале, которая погубила ее сына: “Скала, которая убила моего сына — *чтоб ты перевернулась верх тормашками*”. Наслала неистребимую болезнь на хошун. Прокляла тех, кто арестовали ее сына — *чтоб они ходили с мокрыми ресницами*» [Ринчиндаваа, 2007]. В другом предании, записанного от того же информанта, шаманка, у которой «сын стал ламой, против воли матери <...> прокляла его, сделав хараал: *Вынь челюсть, почеси себе спину, // Вытащи язык, оближи себе задницу*». Таким образом, хараалами явно пользовались не только «колдуны», но и шаманы; вообще, по некоторым параметрам шаманы и хараалчи — близкие фигуры. Однако «шаманские хараалы» обнаруживаются не только внутри фольклорных текстов, они действительно использовались в шаманских обрядах: ср. две большие коллекции шаманских хараалов (*бөөгийн хараал*), калмыцкую и бурятскую, в каталоге монголоязычного фольклора [7].

Интересны представления о том, как насыляется хараал. Колдун при этом должен стоять строго на юго-восточной стороне по отношению к айлу. Вход в юрту ориентирован на юг; на юго-восток от нее выбрасывают очажную золу, соответственно, проклиная становиться, попирая ногами то, что имеет отношение к самому почитаемому месту в юрте — ее очагу, и направляет в сторону входа свой «рабочий инструмент». Этим инструментом является коровий рог (*ухрийн эвэр*; по сведениям профессора С. Дулама, рог не простой, а только бешеной коровы), называемый *тунраа*⁷ [Цэрмаа, 2007] и представляющий собой «отполированный до блеска бычий рог, украшенный замысловатым орнаментом» [11, с. 18].

Схема 1.

Направление хараала

Видимо, согласно представлениям монголов, хараал направляется и движется строго по прямой, подобно выстрелу из лука. В калмыцкой сутре против хараалов сказано: «Отрезаю, побеждая все проклятья, направленные на меня врагами подобно остриям пик и штыков» [8, с. 87]. Если *хараалу* не будет задано направление, адресата он не найдет, как в «антихарааловой» сутре: «Да проблуждают твои проклятья в бесконечном мировом пространстве, да вернуться к тебе и закружат твою голову, подобно голове круженной овцы» [8, с. 87]. Для борьбы с *хараалами*, проникающими в юрту через дверь, монголы вешают над входом обереги — режущие инструменты, в основном, пилы зубцами вниз. По словам наших информантов, это препятствует попаданию *хараала* внутрь юрты: *Говорят, если над дверью*

⁷ Этимология неясна, предположительно из *dun+ra* (тиб.) ‘раковина-рог’, но при этом непонятен переход *d>t*. Благодарю А.Д. Цендину за данное объяснение.

укрепить пилу, можно спастись от плохих слов [Соб.: Где укрепить?] В уни⁸ или над дверью [Нарангарвуу, 2006].

В хараалах из бурятского сказочно-эпическом фольклора встречается устойчивая формула *газар руу ороhon* ‘провалившийся сквозь землю’ [2, с. 177], которая соответствует калмыцким вариантам формулы отсылки хараала: *харалчнь хар hazр авг!* ‘пусть твой хараал черная земля возьмет!’, *харалчнь хар hazрт орз!* ‘пусть твой хараал бежит в черную землю!’, которая в свою очередь соответствует калмыцкой клятве *hазрин шуурхад орнав!* ‘Пусть я провалюсь (убегу) сквозь землю!’ [3, с. 145, 144, 164]. Данная формула (*хараал чинь хар газарт ор ‘пусть твой хараал бежит в черную землю’), видимо, имеет прямую обрядовую параллель: в калмыцком обряде избавления от хараала (*хара кэлэ утулган* ‘обрезание черного языка’) к языку человека, заподозренного в том, что он — жертва хараала, привязывают черную и белую нитку, и отрезают ее по кусочкам, сопровождая это чтением специальной сутры против хараалов, после чего обрезки нитки кладут на белую тряпку и зарывают в землю за юртой [8, с. 85]. Черно-белая нитка, прикрепленная к языку жертвы, очевидно, имитирует черный язык хараалча и сам хараал; выразительный пример семантического заражения объекта свойствами субъекта.

3.

По словам 89-летнего Намжила [2006], шаманы и хараалчи различаются тем, что первый призывает духов, а второй использует тибетскую книгу заклинаний: *Они читают разные книги, почитают разные вещи. Шаман поклоняется тэнгри черной стороны (хар зүгийн тэнгэр). А тибетские ламы читают высшие книги. <...> Хараалч насылает хараал по другому закону-учению <...> Шаман связан с небом, землей, духами (тэнгэр, газар, лус). А ламы читают хараальные сутры. <...> Говорят, на тибетском есть книги хараалов. Появились в давние времена. Изучившие их становятся хараалчами. У шамана есть призывания духов-онготов [Намжил, 2006]. Несмотря на то, что сила хараалча, по мнению многих информантов, может быть наследственной, его знания — все же приобретенные и никак не связаны с ни с духами природы, ни с небесными богами (тэнгри). Хотя говорят, что если шаман говорит хараал, надо поцарапать его и пустить ему кровь, тогда хараал не пристанет [Намжил, 2006], или что можно противостоять проклятию чтением молитв, в прошлом было много сильных лам, которые умели отвращать проклятия <...> и сейчас некоторые люди делают жертвоприношения гневным гениям-хранителям (догшин сахиус) и этим отвращали проклятие [Азжаргал, 25 лет, МЭ 2006], все же хараалч внушает особый страх, поскольку отсутствует соответствующая «апелляционная инстанция», — нет духов, с которыми он связан и которые могли бы «отозвать» его. Подчеркнем: подобные представления распространены в Центральной Монголии, где самих шаманов нет давно, тогда как в Прихубсугулье магия хараалов — неотъемлемая функция и самих шаманов, и даже лам, а столь резкие различия между шаманом и хараалчи не проводятся, да и сама фигура колдуна, хоть и присутствует в рассказах, вызывает гораздо меньше трепета.*

Когда в XX в. из монгольской культуры были вытравлены и буддийские, и шаманские традиции, отдельные функции шаманов и лам перешли к узкопрофессиональным магическим специалистам (хотя знание о некоторых из них уже существовало). Социальные функции шаманов в монгольском обществе изучены слабо (едва ли не единственная книга на эту тему [15]), однако можно предположить, что знание о сверхъестественной силе шамана являлось фактором эффективного сдерживания девиантного поведения. Так, из интервью в интервью повторяется рассказ о ловле конокрада шаманом / ламой / хараалчем (*если человек хочет наслать хараал на вора, он идет к шаману и говорит: Тот человек у меня украл то-то и то-то. Пошлите на него хараал. Будь это лама, будь шаман, он обратится к тэнгри. <...> Человек, который насылал хараал с помощью молитв, мог заставить бежать череп мертвеца за вором. Заставить ворона лететь за ним. Пустить бежать за ним очир* [Намжил, 2006]. *Если на конокрада наслать проклятие, его живот начинает болеть и*

⁸ Жерди, поддерживающие войлочную кровлю юрты и лучеобразно расходящиеся от ее центрального круга.

пучить. Тогда конокрад сам приходит и признается, мол, я украл ваших коней. Так говорят [Азжаргал, 2006]).

Конокрад — бедствие для скотовода, и с точки зрения регулирования жизни микросоциума важными функциями ламы и шамана были, например, возвращение украденного, поиск и наказание вора. И вот опустевшая «социальная ниша» заполняется таким фантомным персонажем, как хараалчи, которого никто не видел, никто не знает, отличить от простых смертных почти нельзя (если не смотреть глубоко в глотку). Возможно, современный монгольский колдун — это всего лишь «отпочковавшаяся» и зажившая самостоятельной жизнью шаманская функция наказания с помощью хараала.

Илл. Пилы над входом в юрту — оберег от хараала. Центральная Монголия, 2006.

Благодарю А.В. Дыбо, С.Ю. Неклюдова, Е.С. Новик, А.Н. Цендину, оказавших неоценимую помощь при работе над статьей.

Исследование выполнено при поддержке грантов РФФИ 06-06-80-420а; ИНТАС 05-1000008-7922.

Источники и литература

1. *Аникеева Т.А.* Тюркский обряд вызывания дождя (мотив "камня терпения" в турецких сказках и представления о магическом камне "яда" у древних тюрков) // *Orientalistica Juvenile III. (Sub speciae turcologiae)*. Сб. работ молодых сотрудников и аспирантов. М., 2002. С. 53-85.
2. *Бардаханова С.С.* Система жанров бурятского фольклора. Новосибирск, 1977.
3. *Борджанова Т.Г.* Обрядовая поэзия калмыков: система жанров, поэтика. Элиста, 2007.
4. *Владимирцов Б.Я.* Работы по истории и этнографии монгольских народов. М., 2002.
5. *Древнетюркский словарь.* Л., 1969.
6. *Жуковская Н.Л.* Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988.
7. *Кульгеник И. В.* Каталог монголоязычных фольклорных материалов Архива востоковедов при СПбФ ИВ РАН. СПб., 2000.
8. *Очиров Н.* Юрэлы, харалы и связанный со вторыми обряд «хара келе утулган» — у калмыков // *Живая Старина.* 1909. Кн. 70-71 (Том 18). Вып. II-III. С. 84-87.
9. *Сагалаев А.М., Октябрьская И.В.* Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск, 1990.
10. *Сикалиев А.И.-М.* Магическая поэзия ногайцев // *Магическая поэзия народов Северного Кавказа.* Махачкала, 1989. С.66-75.
11. *Тудэв Л.* Национальное и интернациональное в монгольской литературе. М., 1982.
12. *Худяков И.А.* Краткое описание Верхоянского округа. Л., 1969.
13. *Bang W., Gabain A.* von. Türkische Turfan-Texte V. Aus buddhistischen Schriften // *SPAW.* № XIV. Berlin, 1931. S. 340-356.
14. *Bawden C.R.* A Joint Petition of Grievances Submitted to the Ministry of Justice of Autonomous Mongolia in 1919 // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies.* University of London. Vol. 30. №. 3. 1967. P. 548-563.
15. *Humphrey C., Urgunge Onon.* Shamans and Elders: Experience, Knowledge and Power among the Daur Mongols. Oxford: Clarendon Press, 1996.

Список информантов:

- Азжаргал, 25 лет, халхасец, сомон Дзунбаян-Улаан Убурхайнгайского аймака. Зап. 22.08.2006.
Баточир, 83 года, хотогойт, пос. Хотгол Хубсугульского аймака. Зап. 23.08.2007
Гончигдорж, 70 лет, халхасец, сомон Дзунбаян-Улаан Убурхайнгайского аймака. Зап. 22.08.2006.
Дуламноргим, 59 лет, халхаска, г. Арвай хээр Убурхайнгайского аймака. Зап. 24.08.2006.
Лханаажав, 73 года, халхасец (родом из аймака Баян Хонгор), скотовод, сейчас живет в Улан-Баторе. Зап. от 21.08.2007.
Намжил, 89 лет, халхасец, центр сомона Улзийт. Записи 24-27.08.2006.
Нарангарвуу, 15 лет, халхаска, сомон Худжирт Убурхайнгайского аймака. Зап. 22.08.2006.
Пурэвсүрэн, 85 лет, халхасец, музейный работник, г. Булган Булганского аймака. Зап. 27.08.2007.

Ринчиндаваа, 49 лет, дархат из Ринчин-Лхумбэ, инспектор по охране природы, г. Мурун (Мөрөн) Хубсугульского аймака. Зап. 25.08.2007.

Хандсүрэн, 70 лет, халхаска, пос. Хотгол Хубсугульского аймака, зоотехник. Зап. 22.08.2007.

Цэрмаа, около 80 лет, из хоринских бурят, живет в г. Булган Булганского аймака, учитель. Зап. 27.08.2007.